

Клуб «Северный огонек» представляет

Николай Шамсутдинов, член Союза писателей СССР, подготовил к печати публицистическую поэму «ПОКОРИТЕЛИ», посвященную проблемам взаимоотношений человека и природы на северной земле.

Редакция газеты располагает отрывком о новой работе автора, который написал о покорителях тайги, ла-

Поэма Николая Шамсутдинова «Покорители» — гимн сибирской природе и крик изболевшей души.

Уроженец Ямала, он был свидетелем «освоения нефтяной целины» и, как сам с горечью признается в письме ко мне, «писал о покорителях тайги и тундры».

Но прошли годы, и наступило горькое прозрение жителей Сибири, потому что освоение «незаметно» перешло в покорение, а затем и в истребление сибирских, казались бы, необъятных и недоступных пространств.

Если бы поэма Шамсутдинова касалась только проблем местных, была проникнута тревогой только о своей малой родине, она и тогда имела бы острое публицистическое звучание и обвинение всем ныне странствующим по тайге и тундре «покорителям» природы, осуществляющим грандиозные планы раз-

урат Государственной премии СССР Виктор Петрович Астафьев.

Сегодня газета предоставляет читателям фрагменты поэмы Н. Шамсутдинова. Думается, тревоги и проблемы, о которых размышляет поэт, найдут отклик у всех, кому небезразлично будущее нашей Земли. Кстати, вопросы экологии будут обсуждены на предстоящей сессии райсовета.

работки богатейших земель Полярного Урала, в недрах которого представлена вся периодическая система Менделеева.

Нет, поэма «Покорители», написанная уверенной рукой, восходит из экологических к общечеловеческим проблемам, ибо нет сейчас более и тревог не всеобщих, не всечеловеческих, внеземных. Все и все связано между собой. Озонная дыра, возникшая над Антарктидой, так же губительна для Ямала, как и содрванная с ямальской тундры «кожа» болезненна для всего растительного и животного мира нашей прекрасной планеты.

Кто мы? Что мы? Единое целое с беззащитной земной жизнью? Ее палачи и погубители, у которых нет и не может быть будущего, или все-таки разумные существа, способные не только «покорять», брать, истреблять, но как разумные же существа, несущие прав-

Об этом пора не только думать, но и действовать, уже сейчас, всем, кто работает на земле и раскошегаривает «прогресс», кто не утратил еще тревожного права называть себя человеком, ответственным за все, что им уже сотворено хорошего и плохого за человеческую историю.

Поэма — боль, поэма — крик, поэма — смятение нашего разума, воззвание к нему, ибо только разум способен спасти нас и летящую в безбрежном пространстве планету, по нашей вине и разнузданности все более впадающую в инвалидное состояние.

Виктор АСТАФЬЕВ, писатель.

Николай ШАМСУТДИНОВ.

ПОКОРИТЕЛИ

Занедужало старое озеро — кто-то
Взял да выгреб в него полцистерны
И добавил какой-нибудь дряни —
Видать, Долго озеро к жизни теперь поднимать.
Оскудели дородные глубины, и птица
Не спешит на неверную воду
Ведь весенней порою, в броженье
Пропитала озеро
А теперь ни умыться нам и ни
И с тревогой, Велло, следим мы с тобой
За метущейся птицею
Почерневшей, как рок, безразличной
И в минуты душевной надсады
Горько вижу я, как из подростка и мхов
Нам бессильно грозят, в черных знаках
Древа, сучья, валежины,
Лет пятнадцать — и вот мы у цели:
Пересошшие русла, овраги, пески...
Слава богу, не все уничтожить успели,
Но к черте роковой — ишь, размах-то!
Мы присвоили право решать, что
А что вредно.
И кто бы из нас ни решал,
Так уверовал, путь просекая, в железо,
Что в холодной крови растворился
И молчу я над вялой водой, размышляя:
Тот, кто озеро — по слепоте? —
Безусловно, из тех, кто, тайгу
И других «покоренью» примером учил.
Страхно, что безымянен он, этот
Потому что не найден и не уличен,
Сколько он принесет нам вреда,
Потребитель, по сути прогорклой.
О чем
Думал он, выгребая тавот?
Все о том же,
Что огромна Сибирь, золотой материк,
Что и эту потраву она переждет,
И урон-то, по меркам ее, невелик,
Капля в море...
Капля ли? И потому-то
Потрясение саднит до сих пор,
Ибо мертво застыли озера мазута
Там, где птица, густа, поднималась
Где бродила обильная живность
Жгут — так прячут следы —
И траурный дым

Иссушает сознание, переполая
За лесной горизонт...
Так давай проследим
Его путь —
Он полнеба затмил, постепенно
Концентрируясь в воздухе, почве, воде,
Чтоб распадом, гниеньем в отравленных
Заявить о себе.
Как преступно бездумны безликие
О безоблачном детстве!
На кой они ляд,
Если небо забыто отходами, если
У детей наших легкие — с кровью! —
Не безнравственно ль, что лихорадочно
Панацею от страшных болезней, пока,
Накрывая свинцовой тенью жилища,
Наша смерть вызревает в больших
Проморгали Чернобыль...
А что провороним
Мы на сей раз, ведь, как посторонних
Родники наши, речки, озера хороним,
Не сумев их спасти от кислотных
Отвлеченно скорбя, тиражируя вздохи,
Позабыв, что у голоса право —
Ма абстрактно страдаем, отрывка
Наукавшей не драться, а внятно
Но когда нас лесные палы обступают,
До нутра прожигая, и в мертвой воде
Наша лица мерцают —
Бытие — наше! кровное! — в небытие,
Ощутите ли, как зачерствело молчанье?
Сколько нужно трагедий нам, чтобы
«... Не среда обитания — среда
Так поставлен вопрос...
Но ведь нам отвечать!
Сколько, божье подобье, природе
На земле прозябаешь ты?..
Будто повитель
На бесплодных, слепых пустырях
В наши будни мурло —
Временщик. Покоритель...
Он уже для семьи и прогресса погиб?
В лютой ржавой щетине?

Взгляд водкою выпит?
Лоб в полкольца под челкою?
Нет, этот тип
Вытерт, словно задерганный, дохлый
Продираясь из масс, утверждаясь
Обжигая накалом страстей — чем не
Вбит ли в ватник,
Обживается накрепко новый характер.
Крепко травленный временем,
Он не комплексовал, а — гляди! —
Обтекая соперников,
Не куда-нибудь, на «севера!» —
Как он гнал, с искушением
Увязая в соблазнах,
И не «за туманом»,
А за жирным, густым ясаком,
Прямо скажем, заштопанным, тощим
Его запахи спорой добычи вели,
И с досадой смотрел он: под северным
В легкой, ясной реке
Пламенея, без пользы мерцают
Зарывался в насупленный, пасмурный
Бил ли «профиль», за дичью ли
Не тающ,
В уши — «Мягкое золото...
Лез
Шепоток драгоценных мехов,
И вломился он в отчие чащи —

Острый взгляд на проблему,
Что промышленный смог
Выжигает каверны и в легких, и —
Что народец-то, местный, исконный,
Что в помбуры бегут его хилые дети,
Что все чаще
Нас шатает — почище, чем в анойном
Что пустыни за нами крошечней,
Не вода в наших реках, мазутных
Что — за тонною тонна! — в рынок
Вырождается, почву теряя, держава.
Что ж, служили на совесть...
Видать, и они
«Просочились» в родную словесность,
По хватке,
По нахрапу своим же «героям» сродни...
Наша судьбы до скудости, господи,
Не казни вырожденьем наш страждущий
И вот тут
(застонал над надгробием Нобель)
Упования наши на свет и добро
Выжжет ночью
Все живое пустив под огонь и под нож,
Мы зарылись в бетон
И — «Помедлите тропинки!» —
Мы несчастных детей не пускаем
Чтоб потом не пришлось собирать
Не оставь нас в золе оскверненной
А что дети, которым призывы приелись,
Затоптали осинник,
Не вини несмышленных! —
На нас насмотрелись...
У корыстных забот — нестерпимый
А нужны ли им монстры индустрии,
Или
Поворот изможденных, безропотных вод
По сановой указке —
..Помертвел — в непролазных дымах —
Без бедующих птиц.
Под измученным небом
Воспаленное время набрало — огнем,
И набрала душа, запаленная — гневом,
Плод раздумий, иллюзий равнениных
Он бледнее казенных восторгов,
В толчее восклицаний.
Но, знаю, поймет
Это честное, черствое чувство —
И не он ли сурово сдирает печать
С пересошшего рта?
Не молчи виновато,
Потому что за нищее право — молчать
Все больнее и неискупимее плата.
Ветер, северный ветер уремы оплавил,
Обмирая, вдрог оцепенела вода,
Льдом задернув глубины...
Я точку поставил
И тетрадь отодвинул.
Когда
Вновь вернется ко мне ощущение лада
С целым миром, с собою?
Как заслужить
Равновесие духа и слова?
Досада
Хмуро тлеет в душе — от бессилья
Вам, соотечи: в неискупимые годы
Мы не просто природу ворим — в долг
Отбирая, как кажется нам, у природы,
У себя же, нелепое племя, крадем.
И — пророхам своим дифирамбы поем.
С истин сорваны пломбы.
Не ждем гекатомбы.
Но, по ветхим законам прогресса торопя,
Надсадились душой...
Что банальные бомбы?
Мы куда как верней уничтожим себя,
Добывая озера и пуши,
Сознавая, что в свой же черед
Истребленное нами в грядущем
Нас самих, в пустоту и ввергая, добьет.
Лишь спасенное — от вымиранья
Смысла нет, как и нет правоты
С терпеливой природою!
Словно зерно,
В милосердьи к безбрежным массивам,
Милосердие к нам же и заключено.